

ПУТЬ
СОЛДАТОВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТОВА КНИГА 6

ALEXANDER GRIGORYEV

18+

Путь Солдато́ва

Александр Григорьев

Возвращение Солдато́ва. Книга 6

«Автор»

2026

Григорьев А. С.

Возвращение Солдатова. Книга 6 / А. С. Григорьев — «Автор»,
2026 — (Путь Солдатова)

Почётный пленник в Вильно, Дмитрий становится желанным мужем для сотен знатных женщин. Через браки он плетёт невидимую сеть власти. С армией за спиной он идёт освобождать Посконию, чтобы стать законным царём.

Содержание

ПРОЛОГ: Две реальности (Осень 7095)	5
ЧАСТЬ I. ЗИМНЯЯ ПАУТИНА (Ноябрь 7095 – Март 7096)	9
ЧАСТЬ II. ВЕСЕННИЙ ПОХОД (Апрель – Май 7096)	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Григорьев

Возвращение Солдатова. Книга 6

ПРОЛОГ: Две реальности (Осень 7095)

Глава 1. Почётный пленник

Осень 7095 года, замок Вильно

Покои, отведённые Дмитрию, были роскошны настолько, что это казалось насмешкой. Высокие сводчатые потолки, стены, обитые тёмно-зелёным шёлком, тяжёлые дубовые шкафы с заморскими безделушками. На столе – серебряный кувшин с венгерским вином и тарелка с засахаренными фруктами, каких в Посконии не видали. У окна – кресло с высокой резной спинкой, откуда открывался вид на замковый двор, где латинянские гвардейцы в блестящих доспехах гоняли лошадей, а слуги в ливреях сновали с подносами.

Тюрьма, обитая шёлком.

Дмитрий сидел в кресле, откинувшись на спинку, и делал вид, что дремлет. Руки его покоились на подлокотниках, голова чуть склонена, дыхание ровное. Со стороны – сломленный человек, смирившийся с судьбой. Но под опущенными веками глаза его работали.

Он слушал.

За дверью, в приёмной, шёл разговор. Голоса были приглушёнными, но Дмитрий научился различать слова сквозь дубовые створки.

– ...царь-марионетка, – говорил кто-то с вальяжным, сытым акцентом. – Пусть сидит в своём Кремле, подписывает бумаги. Народ поверит, что он законный наследник. А править будем мы.

– Народ не дурак, – возразил другой, более резкий, с рейховским выговором. – Шуйский уже провозгласил себя царём. Если мы выдвинем другого, начнётся смута.

– Смута – это война, а война – это прибыль. Рейх получит железо, мыши – хлеб, а князь Радзивилл – новые земли. А этот... – говорящий понизил голос, – этот будет сидеть тихо. Куда ему деться?

Дмитрий чуть заметно усмехнулся, но тут же вернул лицу безмятежное выражение. Они даже не подозревали. Считали его крестьянским сыном, выскочкой, которому выпал редкий шанс – и который с радостью схватится за него, как утопающий за соломинку. Марионетка. Пешка. Разменная монета в большой игре.

Дверь скрипнула. Дмитрий не открыл глаз, только чуть изменил дыхание, имитируя пробуждение.

– Царевич, – раздался вкрадчивый голос. – Князь Радзивилл желает видеть вас.

Дмитрий медленно поднял веки, словно выныривая из тяжёлого сна. На пороге стоял секретарь – длинный, сухой, с лицом, напоминающим хорька. За его спиной угадывалась фигура самого магната.

– Входите, князь, – Дмитрий сделал усилие, чтобы подняться, и в этом движении было столько усталости, что секретарь удовлетворённо кивнул.

Радзивилл вошёл в покои с видом хозяина, осматривающего свои владения. Он был плотным, румяным, с окладистой бородой и маленькими хитрыми глазами, которые, казалось, всё примечали и всё оценивали. Одет в польский кунтуш из тёмно-вишнёвого сукна, расшитый золотом, на пальцах – тяжёлые перстни.

– Здравствуй, зятьёк, – сказал он, усаживаясь в кресло напротив. – Как спалось? Не обижают тебя мои слуги?

– Всё прекрасно, князь, – Дмитрий говорил тихо, чуть вяло, как человек, который уже смирился с тем, что его жизнь больше не принадлежит ему. – Ваше гостеприимство... выше всяких похвал.

– И это правильно, – Радзивилл взял со стола кувшин, налил вина себе и Дмитрию, пододвинул кубок. – Ты теперь не просто пленник. Ты – мой гость. А скоро станешь и родственником.

Он сделал паузу, наблюдая за реакцией. Дмитрий не спешил. Взял кубок, отпил, поморщился – вино было кислым, незнакомым.

– Моя дочь Марина, – продолжал Радзивилл, – девушка умная, образованная. Она будет хорошей женой. А через неё... – он наклонился ближе, понизил голос, – через неё ты получишь всё. Власть, земли, признание. Мыши и рейховцы помогут нам утвердиться в Царьграде. Ты станешь царём, Дмитрий. Настоящим.

– Царём-марионеткой, – спокойно сказал Дмитрий, глядя в глаза магнату.

Тот на миг растерялся, но быстро взял себя в руки.

– Называй как хочешь. Главное – ты будешь жив. И твои дети от Марины унаследуют престол. Разве это не то, о чём ты мечтал, когда шёл сюда из своей деревни?

Дмитрий молчал. В голове его крутились обрывки мыслей, которые он тщательно скрывал за маской усталости и покорности.

Они не знают. Они даже не представляют, что здесь, в этом замке, в этих стенах, уже плетётся другая паутина. Женщины, которых они считают никем, скоро станут моей армией. А этот... этот самодовольный князь думает, что купил меня. Что ж, пусть думает.

– Я согласен, – сказал он вслух, и голос его дрогнул так убедительно, что Радзивилл довольно улыбнулся. – Я сделаю всё, что вы скажете, князь. Только... позвольте мне иногда выходить из покоев. Дышать воздухом.

– Конечно, конечно, – магнат поднялся, похлопал Дмитрия по плечу. – Ты не пленник, ты – мой будущий зять. Гуляй, смотри, привыкай. Скоро здесь будет твой дом.

Он вышел, и тяжёлая дверь затворилась за ним.

Дмитрий остался один. Он медленно допил вино, поставил кубок на стол и подошёл к окну. Внизу, на замковом дворе, латинянские гвардейцы продолжали гонять лошадей. Где-то там, в толчее, суежилась Агата – переодетая служанкой, она уже вторую неделю жила в замке. Где-то ждала вестей Лиза. Где-то, в дальних деревнях, женщины, чьи права поправили завоеватели, уже шептали имя царевича, который обещал вернуть им справедливость.

Игра начинается, – подумал Дмитрий, глядя на закатное солнце. Они думают, что я их марионетка. Но ниточки, которые они тянут, ведут совсем не туда, куда им кажется.

Он отвернулся от окна, подошёл к столу и взял со стопки бумаг чистый лист. Перо лежало рядом. Дмитрий обмакнул его в чернильницу и вывел первую букву. Письмо Лизе. Начало большой игры.

Глава 2. Царьградская смута

Осень 7095 года, Царьград, Успенский собор

Успенский собор гудел тысячами свечей. Их золотистый свет стекал по древним фрескам, по тяжёлым ризам икон, по золочённому иконостасу, отражался в драгоценных камнях на окладах и в глазах молящихся. Пахло ладаном, воском и той особенной, намоленной тишиной, которая бывает только в главных храмах земли.

Но тишина эта была обманчива.

В первых рядах, у самых царских врат, толпились бояре – те, кто успел присягнуть новой власти. Их лица были каменными, глаза опущены. Кто-то крестился слишком часто, кто-то, наоборот, стоял не шелохнувшись, боясь выдать истинные чувства. За ними, на почётных местах, выделенных для «союзников», сидели мышиные советники в расшитых золотом кун-

тушах и рейховские офицеры в строгих чёрных мундирах. Они не крестились, не кланялись, только наблюдали – цепко, оценивающе, как смотрят на товар, который вот-вот перейдёт в их собственность.

У алтаря, в полном облачении, стоял митрополит. Золотая риза, золотая митра, золотой посох. Драгоценные камни сверкали на его перстнях, на окладе Евангелия, на всех предметах, к которым он прикасался. Лицо его казалось благостным, старческим, даже добрым – седая борода, тонкие губы, прикрытые веки. Но когда он поднимал глаза, в глубине зрачков, под седыми бровями, мелькало нечто такое, от чего даже выдавшие виды бояре невольно отводили взгляды. Отблеск. Золотистый, холодный, голодный.

Шуйский вступил под своды собора. На нём были царские одежды, сшитые наспех, но богатые – золотая парча, тяжёлый венец, держава и скипетр, взятые из царской казны без спросу. Лицо его было бледным, под глазами залегли тени, но он улыбался. Улыбался той особенной, деревянной улыбкой человека, который слишком далеко зашёл, чтобы отступить, и теперь надеется, что всё обойдётся.

– Благословен грядый во имя Господне! – возгласил митрополит, и голос его, усиленный акустикой, прокатился под сводами. – Венчается на царство раб Божий Василий!

Шуйский опустил на колени. Митрополит возложил на его голову венец. Собор замер. В тишине было слышно, как потрескивают свечи, как скрипит снег за стенами, как кто-то из бояр всхлипнул – от страха или от горя, никто не разобрал.

– Да здравствует царь! – крикнул кто-то из мышиных советников, и толпа подхватила: «Да здравствует! Да здравствует!»

Но крики эти были жидкими, неуверенными, и в них не чувствовалось той силы, той веры, что бывает на истинных венчаниях. Слишком многие помнили, что Шуйский – не Соколов. Слишком многие знали, что власть его держится не на Божьем благословении, а на копьях мышиных наёмников и рейховских мушкетах.

После коронации, когда Шуйский удалился в царские покои, а бояре разошлись по домам, митрополит задержался в соборе. Он подошёл к амвону, откуда только что венчал узурпатора, и воздел руки к иконостасу.

– Анафема! – произнёс он, и голос его, лишённый прежней благости, зазвучал глухо, древне, страшно. – Анафема на самозванца Дмитрия, мнящего себя царевичем! Анафема на еретика и слугу антихристов! Да будет он проклят во веки веков!

Голос его растекался под сводами, и тьма в углах собора шевелилась, довольно, согласно.

А за стенами Кремля, в городе, который Шуйский уже не контролировал, люди шептались:

– Слышали? Царевич Дмитрий жив. Говорят, в Вильно его держат, но он жив.

– А Шуйский?..

– А Шуйский – мышиный царь. Копейная власть. Не будет за ним земли, не будет народа.

И где-то далеко, за сотни вёрст, в замке Вильно, Дмитрий открыл глаза и посмотрел на восток. Он не слышал этих слов, но знал. Чувал. Там, в столице, началось то, что он должен был закончить.

А пока – игра. Пока – тишина. Пока – ожидание.

Глава 3. Распад гарема

Осень 7095 года, Царьград, терем

Терем, где ещё недавно жили женщины царского гарема, теперь напоминал опустевший улей. В большой горнице, где прежде смеялись и шептались десятки голосов, царила тишина. Тяжёлые портьеры были задёрнуты, свечи горели редко, и в полумраке лица женщин казались бледными, призрачными.

Царица Мария Фёдоровна сидела у окна, глядя на заснеженный двор. Руки её, униженные перстнями, лежали на коленях неподвижно, словно у изваяния. За стенами слышались голоса стражи, лязг оружия, редкие выкрики – Шуйский укреплял свою власть, но до терема ему не было дела. Здесь, в этой забытой всеми клетке, доживали свой век те, кто когда-то был символом величия Соколовых.

– Матушка, – раздался тихий голос за спиной. – Княгиня Оболенская прислала гонца. Её брат, князь Оболенский, выкупил стражу. Завтра она уезжает.

Мария Фёдоровна не обернулась. Только чуть заметно кивнула.

– Пусть едет, – сказала она ровно. – Здесь ей больше нечего делать.

За её спиной, у двери, стояла молодая княжна Наталья – одна из немногих, кто ещё оставался. Она мяла в руках край платка, не решаясь спросить то, что мучило её уже много дней.

– Матушка, а вы?.. Вы не уедете?

Царица медленно повернулась. Лицо её, осунувшееся, постаревшее за эти месяцы, сохраняло ту особенную, царственную неподвижность, которую не могли стереть ни голод, ни страх, ни унижения.

– Я останусь, – сказала она. – Я – вдова царя. Мать царевичей. Если я уеду, это будет бегство. А я не бегу.

Она замолчала, глядя на портрет покойного мужа, висевший на стене. Потом добавила тише:

– И потом, Дмитрий жив. Я знаю. Он вернётся, и я встречу его здесь.

Наталья всхлипнула, но ничего не сказала. Она уже знала: царицу не переубедить.

Внизу, во дворе, уже собирались в дорогу первые беглянки. Княгиня Елена Оболенская, закутанная в тяжёлую шубу, прощалась с оставшимися. Её брат, молодой князь, держал под уздцы двух оседланных лошадей. Стража, подкупленная щедрым посулом, делала вид, что ничего не замечает.

– Помните, – шепнула Елена на прощание, – если царевич вернётся, вы знаете, где меня искать. Я буду в своей вотчине, и мои люди будут готовы.

Её провожали молча. Никто не плакал – слёзы кончились ещё в первые дни заточения.

На следующее утро уехала боярыня Шереметева. Её отряд был больше – два десятка всадников, вооружённых и одетых в дорожное платье. Она не прощалась, только перекрестилась на образ в углу и вышла, не оглядываясь.

Через неделю уехала княжна Голицына. Ещё через две – дочь старого князя Белозерского.

Каждая увозила с собой не только драгоценности и слуг. Каждая увозила весть о том, что здесь происходит. Каждая становилась живым напоминанием о том, что Шуйский – не законный государь, что Соколовы не кончились, что где-то там, в далёком Вильно, томится настоящий царевич.

И каждая, уезжая, уносила в своём родовом гнезде искру, которая когда-нибудь разгорится в пламя.

К зиме в тереме осталось меньше дюжины женщин. Самые верные, самые слабые, те, кому некуда было идти. И царица.

Она сидела у окна и ждала. За стенами Кремля снег заносил следы, укрывал землю белым саваном. Где-то там, на западе, в замке Вильно, её приёмный сын готовил свой первый ход. Она не знала этого, но чувствовала. Чувала, как чувствуют звери приближение весны.

– Держись, сынок, – прошептала она в темноту. – Я верю. Я жду.

За стенами выла метель, и в её вое ей чудились голоса погибших. Но где-то там, за лесами и болотами, ещё билось сердце того, кто мог всё изменить. И это сердце билось ровно, спокойно, уверенно.

ЧАСТЬ I. ЗИМНЯЯ ПАУТИНА (Ноябрь 7095 – Март 7096)

Глава 4. Подслушанный разговор

Ноябрь 7095 года, замок Вильно

Ночь опустилась на замок тяжёлая, тёмная. За окнами выл ветер, где-то внизу, в караулке, мышинные наёмники пили вино и горланили песни на чужом, непонятном языке. Дмитрий лежал на широкой кровати, закинув руки за голову, и смотрел в потолок. Сон не шёл. Мысли крутились, натывались одна на другую, не давая покоя.

Радзивилл. Марина. Мышинные советники. Царьград. Всё это было чужим, ненастоящим, словно он всё ещё находился в плену не только телом, но и разумом. Марионетка. Они считали его марионеткой. И он играл эту роль – усталый, сломленный, покорный.

Но внутри, глубоко, там, где жил его дар, что-то шевелилось. Ждало.

Сквозь стены, сквозь тяжёлые дубовые двери, доносились приглушённые голоса. Дмитрий прислушался. Говорили двое – местные, судя по выговору. Не наёмники, не рейховцы. Свои.

– ...сестру мою, вдову, суд городской лишил наследства, – говорил один, и голос его дрожал от сдерживаемой злобы. – По ихнему праву, значит, баба не может владеть землёй. Всё дальнему родичу-католику отошло. А она, между прочим, всю жизнь на этой земле работала, детей растила, мужа хоронила...

– А ты чего хотел? – отвечал второй, устало. – Они здесь хозяева. Их право, их вера, их закон. А мы... мы кто? Быдло.

– Быдло? – первый почти кричал, но тут же понижал голос, боясь быть услышанным. – Моя бабка княгиней была, когда ихние прадеды ещё в свинарниках жили! А теперь я – быдло?

– Заткнись, – прошипел второй. – Услышат – головы лишимся.

Голоса стихли. Слышны были только тяжёлые шаги, скрип сапог по каменному полу, потом – хлопок двери.

Дмитрий сел на кровати. В темноте его глаза горели тем особенным, хищным огнём, который появлялся у него только в минуты охотничьего азарта.

Городское право. Он слышал эти слова раньше. Гувернёр, тот самый француз, которого Ольга выписала из города, любил рассуждать о правовых системах. Тогда Дмитрий слушал вполуха, запоминал механически, не придавая значения. Теперь же слова всплывали из памяти, складывались в картину.

Городское право – закон завоевателей. Тех самых 5%, что сидят в замках, носят золото и считают себя господами. Они принесли его с собой, навязали силой. А остальные – те, кто живёт в деревнях, кто молится по старым обрядам, кто чтит обычаи предков, – для них этот закон – чуждый, враждебный. Особенно для женщин. По городскому праву женщина не может наследовать, не может владеть землёй, не может передать имя детям.

А по обычному праву – матриархату – женщина – глава рода. Она владеет землёй, она передаёт имя, она правит. И таких – 95%.

Дмитрий встал, подошёл к окну. Внизу, в замковом дворе, горели факелы, мелькали тени. За стенами, в городе, жили те, кто потерял свои права, свои земли, свою веру. Те, кто ненавидел завоевателей, но боялся поднять голову.

А что, если?..

Мысль пришла внезапно, острая, как лезвие сабли.

Они считают его марионеткой. Они не видят в нём угрозы. Они позволяют ему гулять, встречаться с местными женщинами, даже поощряют это – пусть, мол, развлекается, будет

сговорчивее. Но что, если каждая такая встреча – не развлечение, не похоть, а политический акт? Что, если каждая женщина, ставшая его женой по обычному праву, приведёт с собой свой род, своих воинов, свои земли?

Дмитрий медленно улыбнулся. Впервые за долгие месяцы улыбка была настоящей.

Они думают, что я их пленник. А я стану их властелином. Не через силу – через женщин. Через постель. Через детей. Через их же слепоту.

Он вернулся к кровати, лёг, закрыл глаза. Сон пришёл сразу, но спал он недолго – всего несколько часов. На рассвете, когда в окна заглянуло бледное зимнее солнце, Дмитрий уже стоял у двери, ожидая слугу, который приносил завтрак.

Начинается, – подумал он. – Зимняя охота. И дичью буду не я.

Глава 5. Агата и Лиза

Ноябрь 7095 года, замок Вильно

Агата вошла в замок через кухонные ворота, как делала это уже третью неделю. На плече – корзина с мочёными яблоками и сушёными грибами, поверх – льняная тряпица. Платок завязан низко, почти на глаза, тулуп старенький, потрёпанный. Никто из стражи даже не взглянул – мало ли торговки шляются по замку, предлагая товар?

Она знала эти коридоры уже как свои пять пальцев. Кухня, где бабы-поварихи судачили о господах. Лестница вниз, к прачечной, где её ждали с новостями. А потом – узкий проход, о котором забыли даже мышинные советники, и лестница, ведущая в ту самую часть замка, где содержали «почётного пленника».

Агата шла быстро, но не бежала. Бегут те, кто боится. А она не боялась. Она знала, зачем идёт.

В прачечной пахло щёлоком и сыростью. Две бабы, местные, из тех, чьи мужья служили в замковой страже, кивнули ей, не прерывая работы. Одна шепнула:

– Служанка от мышинного советника ждёт. В подсобке.

Агата отставила корзину, поправила платок и скользнула в узкую дверь.

Лиза сидела на низкой скамье, прижав руки к груди. На ней было простое шерстяное платье, какие носили служанки, волосы спрятаны под косынку. При виде Агаты она вскопчила.

– Ну? – выдохнула. – Что он?

Агата обняла её, прижала к себе. Лиза дрожала – не от холода, от волнения.

– Жив, – тихо сказала Агата. – Здоров. Говорит, не переживай. Говорит... – она помедлила, вспоминая, – говорит, что нашёл способ.

Лиза отстранилась, заглянула в глаза. В её взгляде было столько надежды и страха, что у Агаты сердце сжалось.

– Какой способ? – прошептала Лиза.

– Женщины, – ответила Агата. – Он говорит, здесь, в Болотной стране, власть держится на городском праве. Это закон завоевателей. Он отнимает у женщин земли, права, наследство. А есть ещё обычное право – матриархат. По нему женщины правят родами, владеют землёй, передают имя детям. И таких – большинство.

Лиза слушала, не дыша.

– Он хочет стать мужем для них, – продолжала Агата. – По обычному праву. Каждая такая женщина приведёт свой род, своих воинов. А завоеватели... они не поймут. Для них это просто «бабы причуды». Он будет собирать свою армию под носом у тех, кто считает его марионеткой.

Лиза закрыла лицо руками. Плечи её вздрагивали. Агата обняла её снова.

– Лиза, – тихо сказала она, – ты же знала, на что шла. Он – царевич. Его тело – не только его. Это оружие. Это способ скреплять союзы, брать под руку земли, рожать наследников. Так было, так будет.

– Знаю, – глухо ответила Лиза, опуская руки. Глаза её были сухими, но красными. – Я всё знаю. Я... я справлюсь.

– Ты не просто справишься, – Агата взяла её за плечи, заставила смотреть себе в глаза. – Ты будешь главной. Той, к кому он вернётся. Той, кто родит наследника. Той, кого будут бояться и уважать другие женщины. Ты – его жена, Лиза. Первая. Это даёт тебе власть.

Лиза молчала долго. Потом кивнула.

– Что нужно делать? – спросила она, и в голосе её появилась та твёрдость, которой Агата так ждала.

– Слушать, – сказала Агата. – Смотреть. Запоминать. Кто из местных женщин потерял права, кто обижен, кто жаждет мести. Мы должны найти их. Всех. Каждая будет нашим союзником.

– А он? – спросила Лиза. – Он будет... с ними?

Агата кивнула.

– Это цена, Лиза. Его тело – его оружие. Каждая ночь с новой женщиной – это новый отряд, новые земли, новая сила. Завоеватели думают, что он развлекается. Они не видят дальше своего носа. А мы будем плести сеть.

Лиза выпрямилась. В глазах её горел тот самый огонь, который Агата видела у Дмитрия.

– Хорошо, – сказала она. – Я буду. Я всё сделаю.

Агата достала из-за пазухи маленький свёрток – хлеб, кусок сала, завернутый в тряпицу.

– Передай ему, – сказала она. – И скажи... скажи, что мы ждём. Что верим. Что ни одна из женщин, кого мы найдём, не откажется от такого мужа.

Лиза спрятала свёрток, поднялась.

– Как передать? – спросила она.

– Ты служанка мышиного советника, – напомнила Агата. – У тебя есть доступ в ту часть замка. Найди способ. А я буду ждать здесь, каждую неделю.

Они обнялись на прощание. Лиза выскользнула первой, бесшумно, как тень. Агата осталась в подсобке, прислушиваясь к шагам, к голосам, к тому, как за окнами выла зимняя вьюга.

Начинается, – подумала она. – Зимняя паутина.

Глава 6. Княгиня Ганна

Декабрь 7095 года, замок Вильно, подземелье

Подземелье встретило их холодом и сыростью. Каменные стены покрывала слизь, факелы горели тускло, едва разгоняя тьму по углам. Дмитрий стоял у стены, закутанный в тёмный плащ, и ждал. Рядом – Лиза, бледная, но спокойная.

Шаги послышались издалека. Кто-то шёл уверенно, не крадучись, не оглядываясь. Дмитрий выпрямился, поправил ворот. Время первых союзов настало.

Из темноты выступила женщина. Высокая, статная, в дорожном платье из тёмного сукна, накинутом поверх кольчуги. Волосы, русые с проседью, убраны под шапку, на поясе – кинжал в простых ножнах. Лицо её было суровым, изрезанным морщинами, но в глазах горел огонь, который не погас даже после всех потерь.

Княгиня Ганна. Вдова, владелица обширных земель на юге Болотной страны. Женщина, чьи права поправили городские судьи, чьё наследство отдали дальнему родичу-католику. Женщина, за спиной которой стоял брат-воевода и три тысячи отборного ополчения.

Она остановилась в трёх шагах, оглядела Дмитрия с ног до головы. Взгляд её был цепким, оценивающим, без тени женского кокетства. Только расчёт. Только боль. Только надежда.

– Царевич, – произнесла она, и голос её звучал глухо, как из глубокого колодца. – Я шла к тебе три дня. Рисковала жизнью. Надеюсь, оно того стоило.

– Стоило, княгиня, – ответил Дмитрий, глядя ей прямо в глаза. – Садись. Говорить будем.

Она не села. Стояла, вцепившись пальцами в пояс, и смотрела так, будто хотела прочесть его душу.

– Говорят, ты защитник обычного права, – сказала она. – Говорят, ты вернёшь женщинам то, что у них отняли. Это правда или сказки, которыми вы, мужики, травите баб, чтобы заполучить их земли?

Дмитрий усмехнулся. Ему нравилась эта женщина. Прямая, жёсткая, не верящая на слово.

– Правда, – ответил он. – Городское право – закон завоевателей. Оно здесь чужое. Оно отнимает у вас земли, права, будущее ваших детей. Я хочу вернуть обычное право. По нему женщины – главы родов. По нему вы владеете землёй, передаёте имя, правите.

– А что ты получишь? – Ганна шагнула ближе. – Никто ничего не делает просто так. Ты хочешь мои земли? Моих воинов?

– Я хочу тебя, – прямо сказал Дмитрий. – В жёны. По обычному праву. Чтобы наши дети наследовали твои земли и носили твоё имя. Чтобы твой брат, воевода Ганский, привёл свои полки, когда придёт время. Чтобы ты стала моей союзницей, а я – твоим защитником.

Ганна молчала долго. Так долго, что Лиза, стоявшая в тени, начала нервничать. Потом княгиня усмехнулась – горько, но в этой усмешке мелькнуло что-то живое, настоящее.

– Ты смел, царевич. Мне это нравится. – Она скинула плащ, обнажив кольчугу, и шагнула к нему вплотную. – Но прежде чем я отдам тебе свой род, своих воинов, себя... я хочу убедиться, что ты не пустослов. Что ты мужчина. Настоящий.

Дмитрий не отступил. Он смотрел ей в глаза и видел там то, что понимал без слов: проверку. Испытание. Право называться её мужем.

– Спрашивай, – сказал он.

– Что ты знаешь о моей земле? – спросила она. – О моём роде? О том, что у меня отняли?

Дмитрий рассказал. Всё, что успела узнать Агата. Всё, что он запомнил из разговоров стражников, из обрывков, принесённых служанками. Он говорил о её муже, погибшем в стычке с мышинными наёмниками. О сыне, умершем от голода, когда городские судьи отобрали хлебные амбары. О землях, переданных католическому ставленнику, который даже не удосужился приехать в поместье.

Ганна слушала, и лицо её каменело. Когда он закончил, она спросила только одно:

– Ты вернёшь мне всё это?

– Всё, – ответил Дмитрий. – Клянусь.

Она шагнула к нему, взяла его лицо в ладони, заглянула в глаза.

– Если обманешь, – сказала она тихо, – я сама отрублю тебе голову. Даже если ты станешь царём.

– Не обману, – ответил он.

Она поцеловала его первой. Жёстко, требовательно, словно ставила печать на договоре, который нельзя нарушить. Он ответил, и в этом поцелуе было больше, чем страсть. Была клятва. Была кровь. Была судьба.

Потом была ночь. Долгая, тяжёлая, полная боли и открытий. Ганна не была нежной – она брала своё, проверяла, испытывала, и Дмитрий отвечал ей той же силой, той же страстью. К утру, когда за окнами начало сереть, они лежали обессиленные, переплетясь телами, и молчали.

– Теперь ты мой муж, – сказала она наконец. – По праву. По крови. По обычаю.

– А ты – моя жена, – ответил он. – И мать моих будущих детей.

Она усмехнулась, провела рукой по его груди.

– Детей? Посмотрим. Сначала – война. Я дам тебе брата. Ты дашь мне справедливость. А дети подождут.

Она поднялась, оделась, накинула плащ. У двери обернулась.

– Я пришлю гонца, когда всё будет готово. Мой брат знает. Он ждёт твоего слова. А пока... береги себя, царевич. Ты теперь мне нужен живым.

И исчезла в темноте, оставив после себя запах кожи, крови и той особенной, древней силы, которая была сильнее любых клятв.

Дмитрий остался один. Он лежал на холодных камнях, укрытый плащом, и улыбался. Первый союз был заключён. Первая нить вплетена в паутину.

Глава 7. Ночь с Ганной

Декабрь 7095 года, замок Вильно, подземелье

Факелы догорали, отбрасывая на стены пляшущие тени. Дмитрий стоял у каменного стола, на котором Агата заранее разложила немудрёные дары: кусок холста, горсть монет, материнский крестик, который он носил на шее с детства. Простые вещи, но для Ганны они значили больше, чем любое золото.

Она подошла к столу, взяла крестик, повертела в пальцах.

– Это твоя память? – спросила она, не оборачиваясь.

– Мать дала, – ответил Дмитрий. – Когда я уезжал из деревни. Сказала: «Носи, сынок, он тебя сбережёт».

Ганна повернулась. В глазах её, таких жёстких ещё час назад, мелькнуло что-то человеческое, живое.

– А теперь ты отдаёшь его мне?

– В знак клятвы, – сказал Дмитрий. – Как ты отдашь мне себя. Это не подарок. Это обмен. Кровь на кровь. Судьба на судьбу.

Она усмехнулась, надела крестик поверх кольчуги. Старый, потёртый металл смотрелся странно на груди воительницы, но Ганна не стала его снимать.

– Хорошо, – сказала она. – Моя очередь.

Она вынула из-за пазухи кинжал в простых кожаных ножнах. Лезвие было старым, зазубренным, но рукоять хранила следы многих рук.

– Это кинжал моего мужа, – сказала она. – Тем, кто убил его, я всадила этот клинок в горло. Теперь он твой. Носи. И помни: если ты предашь меня, я найду способ достать тебя даже из Царьграда.

– Не предам, – ответил Дмитрий, принимая кинжал. – Клянусь.

Она шагнула к нему, положила руки на плечи. Кольчуга холодила даже сквозь ткань рубахи.

– А теперь, – сказала она, и голос её стал тише, почти шёпотом, – теперь я хочу знать, чего ты стоишь. Не как царевич. Как мужчина.

Он обнял её. Она была твёрдой, как камень, напряжённой, готовой к бою. Он чувствовал это напряжение, эту силу, которую никто не смел сломить.

– Расслабься, – тихо сказал он. – Ты не на войне. Ты дома.

– Мой дом отняли, – ответила она. – Вместе с землёй, с правом, с именем.

– Я верну тебе всё, – сказал он. – А сейчас... сейчас позволь мне дать тебе то, чего у тебя никто не отнимал.

Он поцеловал её. Не требовательно, не жёстко, как она целовала его в подземелье. Медленно, терпеливо, словно она была не воительницей, а хрупкой вещью, которую можно разбить неосторожным движением. Она не отвечала сначала. Стояла неподвижно, руки её висели вдоль тела, как плети. Но постепенно, очень постепенно, напряжение начало уходить. Она выдохнула, прижалась, ответила.

Они опустились на плащ, расстеленный на каменном полу. Дмитрий раздевал её медленно, словно читал книгу, которую хотел запомнить наизусть. Кольчуга звякнула, упав на

камни. Под ней оказалось простое льняное платье, потом рубаха, потом – тело. Женское, сильное, покрытое шрамами. Шрамы от мечей, от когтей, от жизни, которая не щадила никого.

– Боишься? – спросил он, касаясь пальцами старого рубца на её плече.

– Чего? – усмехнулась она. – Тебя? Я не боюсь ничего.

– Неправда, – сказал он, целуя шрам. – Ты боишься верить. Боишься, что это сон. Что завтра всё исчезнет.

Она замерла. Потом вдруг обхватила его лицо ладонями, заглянула в глаза.

– Откуда ты знаешь?

– Я тоже так боялся, – ответил он. – Всю жизнь. Пока не понял, что вера – это выбор. Каждый день, каждую минуту. Я выбираю верить, что мы победим. Что я верну тебе твои земли. Что у нас будут дети, и они будут жить в мире. Ты можешь выбрать то же.

Она смотрела на него долго. Потом поцеловала – сама, впервые, не жёстко, не требовательно, а так, как целуют, когда перестают бояться.

Потом была ночь. Ночь, в которой не было торга, не было проверок, не было политики. Только два человека, нашедшие друг друга в темноте. Дмитрий чувствовал, как её тело, привыкшее к войне, к боли, к одиночеству, постепенно тает, открывается, принимает. Она не стояла, не шептала нежных слов. Только дышала тяжело, часто, и в этом дыхании было больше, чем в любых клятвах.

К утру, когда факелы догорели и в подземелье стало совсем темно, она лежала у него на плече, и он чувствовал, как её пальцы блуждают по его груди, изучают шрамы, запоминают.

– Теперь ты мой муж, – сказала она тихо. – По праву. По крови. По обычаю.

– А ты – моя жена, – ответил он. – Первая среди равных.

– Не первая, – усмехнулась она. – Я знаю про княгиню Ганну. Про других. Но мне всё равно. Главное – чтобы ты слово держал.

– Сдержу, – пообещал он. – Клянусь.

Она поднялась, оделась, накинула кольчугу. Уже у двери обернулась:

– Мой брат выступит, когда я дам знак. Три тысячи лучших воинов. Он ждал этого дня три года. Не заставь его ждать дольше.

– Не заставлю, – ответил Дмитрий.

Она ушла. Остался только запах – кожа, железо, и что-то ещё, неуловимое, женское. Дмитрий лежал в темноте, сжимая в руке кинжал её мужа. Первый союз был заключён. Первая нить вплетена в паутину. Впереди было ещё много ночей. Много женщин. Много клятв. Но эта ночь была особенной. Она пахла кровью и надеждой.

Глава 8. Софья Радзивилл

Декабрь 7095 года, замок Вильно, покои мышинового советника

Лиза шла по коридору, опустив глаза, как и полагалось служанке. На подносе – кувшин с вином и два кубка. Простая работа, которую ей поручили в тот день, когда она устроилась в замок. Простая работа, которая давала ей доступ туда, куда другим ходу не было.

Она постучала в дверь, услышала небрежное: «Войдите», – и переступила порог.

В покоях мышинового советника было накурено, пахло ладаном и чем-то сладким, приторным. Сам советник, толстый, с заплывшими жиром глазками, сидел в кресле у камина. Напротив него – женщина. Лиза узнала её сразу. Софья Радзивилл, сестра самого князя. Вдова, умная, образованная, одна из немногих, кто сохранил влияние после того, как городское право отняло у женщин их земли.

– Ставь сюда, – бросил советник, не глядя на Лизу.

Она поставила поднос, сделала шаг назад, замерла у двери. И ждала.

Софья смотрела на неё. Взгляд её был цепким, изучающим, и Лиза почувствовала, как по спине пробежал холодок. Эта женщина видела больше, чем показывала.

– Оставь нас, – сказала Софья советнику, не оборачиваясь.

– Но, княгиня...

– Я сказала – оставь.

Советник поднялся, недовольно хмурясь, но перечить не посмел. Вышел, плотно затворив за собой дверь.

Софья подошла к Лизе вплотную, взяла её за подбородок, заставила поднять голову.

– Ты не служанка, – сказала она тихо. – У служанок другие руки. Другие глаза. Ты – жена царевича.

Лиза побледнела, но глаз не отвела.

– Откуда вы знаете?

– Я много чего знаю, – усмехнулась Софья, отпуская её. – Знаю, что мой брат, старый дурак, собирается выдать за него Марину. Знаю, что вы, женщины царевича, уже плетёте сеть по всему замку. Знаю, что княгиня Ганна была здесь. И не одна она.

Лиза молчала, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

– Не бойся, – Софья отошла к окну, глядя на заснеженный двор. – Я не предательница. Напротив, я хочу того же, что и вы. Мой брат думает, что я буду молча сидеть и смотреть, как городские судьи отнимают мои земли, моё право, моё имя. Он ошибается.

Она обернулась, и в глазах её горел тот же огонь, что Лиза видела у Ганны.

– Я хочу встретиться с Дмитрием. Передай ему: я приду, когда он назначит. И приду не с пустыми руками. Мой брат – ключ к этой стране. А через меня ты получишь его.

Лиза кивнула, чувствуя, как внутри поднимается странное, почти забытое чувство – надежда.

– Я передам, – сказала она. – Когда?

– Сегодня ночью, – ответила Софья. – В подземелье. Там, где он встречался с Ганной. Я знаю этот ход.

Она подошла к двери, уже взялась за ручку, но задержалась.

– Скажи ему... скажи, что я не девка, которую можно купить красивыми словами. У меня есть земли, есть люди, есть влияние на брата. Я хочу получить за это. Не пустые обещания – власть. Настоящую. И я готова заплатить любую цену.

Она вышла, оставив Лизу в пустой комнате, среди догорающих свечей и запаха ладана.

Ночь опустилась на замок глухая, безлунная. Дмитрий ждал в подземелье, прислонившись к стене, в которой всё ещё держался запах Ганны – кожа, железо, кровь. Рядом, в тени, стояла Лиза.

Шаги слышались издалека. Лёгкие, уверенные, без страха. Софья Радзивилл выступила из темноты, и даже в тусклом свете догорающих факелов было видно, что она не воительница. Тонкое, бледное лицо, длинные пальцы, унизанные кольцами, дорогой плащ из тёмного бархата. Но в глазах – та же сталь, что и у Ганны.

– Царевич, – произнесла она, останавливаясь в двух шагах. – Я рада наконец видеть вас не через стражу и не через слухи.

– Княгиня, – Дмитрий шагнул навстречу. – Лиза передала, что вы хотите говорить.

– Хочу, – она скинула капюшон, открывая лицо. – Мой брат считает, что я буду послушно сидеть в своём поместье и ждать, пока он решит мою судьбу. Но я не из тех, кто ждёт.

– Что вы предлагаете?

– Союз, – она подошла ближе, и в голосе её зазвенел металл. – Я знаю о вашем плане. Женщины, обычное право, матриархат. Вы хотите вернуть нам то, что отняли. Я готова помочь. Но не за красивые глаза.

– Что вы хотите?

Она усмехнулась, провела пальцем по его груди.

– Я хочу быть вашей женой. Не одной из многих. Не младшей. Я хочу, чтобы мои дети наследовали мои земли по моему праву. И чтобы вы признали это перед всем миром.

– Это можно устроить, – ответил Дмитрий, глядя ей в глаза. – Но что вы дадите взамен?

– Брата, – просто сказала она. – Мой брат – ключ к Болотной стране. Через меня вы получите его доверие, его армию, его влияние. А без него... без него вы будете воевать годами. Я сокращу этот путь до месяцев.

Дмитрий молчал, обдумывая. Софья ждала, не торопила.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Я согласен. Но есть условие.

– Какое?

– Вы будете моей женой, но не первой. Лиза – главная. Это не обсуждается.

Софья посмотрела на Лизу, стоявшую в тени. Та выпрямилась, встретила взгляд, не отводя глаз.

– Принимаю, – сказала Софья после долгой паузы. – Умная женщина понимает, когда надо уступить. Но я буду второй. И мои дети будут вторыми после её детей.

– Это справедливо, – кивнул Дмитрий.

Она протянула руку, и он поцеловал её, как того требовал обычай.

– Тогда договорились, – сказала Софья. – Теперь я ваша жена. А вы – мой муж. И горе тому, кто попытается нас разлучить.

Она рассмеялась – тихо, почти по-девичьи, и в этом смехе Дмитрий вдруг услышал то, чего не ждал: надежду. Ту самую, которую он сам искал все эти годы.

– А теперь, – сказала она, приближаясь, – покажите мне, чего вы стоите. Как мужчина.

Он обнял её, и в этом объятии не было ни торга, ни расчёта. Только два человека, которые нашли друг друга. И которые знали: эта ночь – начало чего-то большего.

Глава 9. Второй брак

Декабрь 7095 года, замок Вильно, подземная часовня

Старая часовня, вырубленная в скальном основании замка, помнила ещё литовских князей. Здесь молились перед битвами, здесь венчались, здесь хоронили тех, кто не доживал до рассвета. Теперь в полумраке, при свете нескольких свечей, должно было свершиться таинство, о котором не узнает никто в замке – кроме тех, кому положено.

Дмитрий стоял перед самодельным аналоем. На нём – чистая рубаха, подаренная Агатой. Ни украшений, ни оружия – только крест на шее, тот самый, что когда-то дала мать. Рядом, чуть поодаль, замерла Лиза – свидетельница, хранительница тайны.

Из темноты выступила Софья. На ней было простое белое платье, волосы распущены по плечам, без княжеских регалий, без украшений. Только на пальце – тонкое серебряное кольцо, снятое с руки матери.

Она подошла к Дмитрию, остановилась напротив. Глаза её, обычно такие цепкие и насмешливые, сейчас были серьёзны, почти торжественны.

– Никогда не думала, что буду венчаться в подвале, – усмехнулась она тихо.

– Лучше в подвале, чем никогда, – ответил Дмитрий. – И потом, это не навсегда. Когда всё кончится, мы обвенчаемся в соборе. При всём народе.

– Обещаешь?

– Клянусь.

Мать Евпраксия выступила из тени. Старая, сгорбленная, в ветхой рясе, но глаза её, глубокие и мудрые, смотрели так, будто она видела не только их, но и всех, кто когда-либо молился в этой часовне.

– Дети мои, – сказала она, и голос её звучал глухо, но твёрдо, – вы знаете, что делаете. Союз этот – не только для постели. Он для крови. Для земли. Для будущего. Если кто из вас передумал – говори сейчас. Потом будет поздно.

Софья взяла Дмитрия за руку. Пальцы её были холодными, но сжимали крепко.

– Не передумала, – сказала она.

– Я тоже, – ответил Дмитрий.

Мать Евпраксия начала молитву. Слова были древние, на непонятном уже языке, но Дмитрий чувствовал: они правильные. Они падали в тишину, как камни в воду, расходясь кругами по подземелью, по замку, по всей этой чужой земле, которая скоро должна была стать своей.

– Венчается раб Божий Димитрий и раба Божия Софья, – произнесла старица, возлагая на их головы венки из сухих трав. – Отныне и навеки. Что Бог сочтет, того человек да не разлучает.

Софья подняла на Дмитрия глаза. В них не было слёз, но было что-то большее – обещание. Она протянула ему чашу с вином, и он отпил, передал ей. Она допила до дна.

– Теперь ты мой муж, – сказала она.

– А ты – моя жена, – ответил он.

Мать Евпраксия благословила их и отошла в тень, оставив вдвоём. Лиза тоже исчезла бесшумно, как тень.

Софья подошла к каменной плите, служившей алтарём, и вынула из-за пазухи сверток.

– Это карта, – сказала она, разворачивая пергамент. – Здесь помечены все земли моего брата. Все крепости. Все дороги. Все, кто ему служит. Те, кто верен, и те, кто готов перейти на другую сторону.

Дмитрий взял карту, взгляделся. Знакомые имена, знакомые места. Паутина, которую он начал плести, обретала плоть.

– Ты это всё запомнила? – спросил он.

– Я это всё знала, – усмехнулась Софья. – Я не просто сестра магната. Я была его советницей, пока он не решил, что бабам не место в политике. Глупец. Я знаю о его делах больше, чем он сам.

Она придвинулась ближе, ткнула пальцем в одну из точек на карте.

– Здесь стоит его личная гвардия. Тысяча человек. Командует ими старый воевода, который помнит ещё моего отца. Он ненавидит городское право и всё, что с ним связано. Через меня он перейдёт на твою сторону.

– А Радзивилл? – спросил Дмитрий. – Твой брат? Он что, не догадывается?

– Мой брат, – голос Софьи стал жёстче, – думает только о золоте и власти. Он не видит дальше своего носа. Он считает, что женщины – это товар, который можно обменять на земли. Он даже не подозревает, что я уже три года готовлю ему замену.

Она подняла глаза, и в них горел тот же огонь, что и у Ганны, но более холодный, расчётливый.

– Я не хочу его смерти, – сказала она. – Он всё-таки мой брат. Но я хочу, чтобы он понял: есть вещи важнее золота. И я добьюсь этого. С твоей помощью.

Дмитрий кивнул, пряча карту.

– Что дальше? – спросил он.

– А дальше, – Софья взяла его за руку, повела к плащу, расстеленному на каменном полу, – дальше мы скрепим наш союз так, как положено. Не только молитвой, но и кровью. И семенем.

Она легла первой, протянула к нему руки. И в этом жесте не было ни кокетства, ни вызова – только уверенность женщины, которая знает, чего хочет, и готова платить любую цену.

Дмитрий лёг рядом. Ночь была длинной. Под сводами часовни, где когда-то молились князья, теперь заключался союз, который должен был изменить судьбу целой страны.

Утром, когда за окнами засерело, Софья ушла первой. На прощание она поцеловала его в губы – коротко, крепко, по-хозяйски.

– Теперь ты мой, – сказала она. – И я сделаю всё, чтобы ты стал царём. А ты сделаешь всё, чтобы я стала царицей. Договорились?

– Договорились, – ответил он.

Она исчезла в темноте коридора. Дмитрий остался один, перебирая в памяти карту, имена, обещания. Вторая жена. Вторая нить в паутине. Впереди было ещё много ночей, много женщин, много клятв. Но теперь он знал: сеть работает. И скоро она захлестнёт весь этот замок, всех этих мышей и рейховцев, которые считали его своей марионеткой.

Глава 10. Женская сеть

Декабрь 7095 года, замок Вильно и окрестности

Слух пришёл откуда-то из прачечной. Сначала его заметили служанки, стиравшие бельё мышиных советников: болтали, что царевич, тот самый, что томится в почётном плену, обещает вернуть женщинам их права. Не везде, конечно, не сразу, но обещает.

– Врёте, – усомнилась толстая кухарка, вытирая руки о передник. – Какой царевич? Мыши его в клетке держат, он и пикнуть не смеет.

– А вот и смеет, – шепнула ей прачка, наклоняясь ближе. – Мне свояченица рассказывала, её сестра служит у княгини Ганны. Та сама к нему ходила. И не одна. Говорят, он бабам нашим правду вернёт. Землю, наследство, всё.

Кухарка перекрестилась. Прачка перекрестилась следом. Разговор утонул в шуме воды и плеске, но зерно было брошено.

Агата знала: так и надо. Слух должен расти сам, как трава, которую не сеяли. Его нельзя навязывать, нельзя кричать о нём на каждом углу. Он должен прорасти изнутри, из тех мест, где боль всего сильнее.

Она сидела в своей каморке на окраине Вильно, перебирая записки. Лиза приносила их каждую неделю, завернутыми в тряпицу, спрятанными среди овощей или сушёных грибов. Имена. Имена женщин, которые потеряли всё из-за городского права. Вдовы, чьи земли отдали дальним родственникам-католикам. Княгини, чьи сыновья не могли носить материнское имя. Купчихи, чьи лавки конфисковали за «неправильную» веру.

Имён становилось всё больше. Десяток, два, три.

– Передай княгине Ганне, – шепнула Агата служанке, пришедшей за товаром, – что мы готовы. Пусть назовёт время.

Служанка кивнула, взяла корзину с мочёными яблоками и исчезла в толчее рынка.

Лиза работала в другой части сети. Она была служанкой мышиного советника – должность, которая давала ей доступ к самым разным уголкам замка. Она слышала, как говорят господа, и запоминала. Она видела, кто с кем встречается, и делала выводы. И – главное – она знала, к кому можно обратиться.

– Слышала я, – сказала она однажды прачке, с которой вместе полоскала бельё, – что у вас сестра замуж выходит? За купца из Могилёва?

– Выходит, – вздохнула прачка. – Да только радости мало. По городскому праву её муж всё заберёт. А ей даже имени своего не оставят.

– А если бы можно было по-другому? – Лиза говорила тихо, почти шёпотом. – Если бы нашёлся человек, который вернул бы вам ваше право? Вашу веру? Ваши имена?

Прачка подняла голову. Глаза её, усталые, покрасневшие от щёлока, вдруг блеснули.

– Какой человек?

– Царевич, – ответила Лиза. – Тот, что сидит в башне. Он хочет вернуть обычное право. Он хочет, чтобы женщины снова правили своими родами. И он ищет союзниц.

Прачка молчала долго. Потом перекрестилась украдкой.

– Что нужно делать? – спросила она.

– Говорить, – улыбнулась Лиза. – Рассказывать своим сёстрам, кузинам, соседкам. Царевич придёт, когда придёт время. Но он должен знать, что за ним есть кому идти.

Сеть росла. Торговки на рынке, узнав от своих покупательниц о царевиче-защитнике, сами начинали распускать слухи. Им верили – они были своими, не чужими. Они говорили на понятном языке, о понятных вещах: о земле, о детях, о вере, которую попирают чужаки.

– Говорят, он уже взял в жёны княгиню Ганну, – шептала торговка рыбой своей постоянной покупательнице. – И не только её. Он женится на всех, кто пойдёт за ним. А его дети будут наследовать по материнской линии.

– Это правда? – ахала покупательница.

– А то! Моя свояченица служит в замке, она сама видела, как княгиня к нему ходила. Ночью, тайно. И не одна она.

К вечеру слух облетал весь квартал. К утру – соседний. За неделю – половину Вильно.

Агата сидела в своей каморке, перебирая новые имена. Их было уже больше полусотни.

– Хорошо, – сказала она Лизе, когда та пришла в очередной раз. – Теперь надо готовить следующий шаг. Не просто слухи – встречи. Каждая из этих женщин должна увидеть его своими глазами. Поговорить с ним. Убедиться.

– А если не поверят? – спросила Лиза.

– Поверят, – усмехнулась Агата. – Ты же видела Ганну. Она поверила. И Софья поверила. А они не из тех, кто верит на слово.

Она поднялась, подошла к окну. Внизу, на улице, толпились торговки, служанки, жёны ремесленников. Все они говорили об одном. О царевиче, который придёт и вернёт им их права. О царевиче, который женится на них и сделает их детьми сильными. О царевиче, который сидит в клетке, но уже плетёт сеть, чтобы освободить не только себя.

– Скажи ему, – сказала Агата, не оборачиваясь. – Сеть готова. Пора начинать охоту.

Глава 11. Первые ласточки

Январь 7096 года, замок Вильно, покои Дмитрия и подземелье

Зима в тот год стояла лютая. Мороз сковал реки, снег занёс дороги, и даже мышинные наёмники, привыкшие к европейским зимам, кутались в тулупы и ругались на чужом языке. Но в замке жизнь не замирала. Напротив, в его недрах, под присмотром беспечных стражников, творилось то, что должно было изменить судьбу целой страны.

Агата вела счёт. В маленькой записной книжке, спрятанной под половицей в её каморке, появлялись всё новые имена.

Княгиня Анна Волынская – вдова, владелица соляных копей. Брат командует пограничной заставой. Приведёт 500 воинов.

Боярыня Мария Черниговская – дочь старого воеводы, отца убили мыши, брат в опале. Ищет защиты. Род владеет тремя крепостями.

Купчиха Елена Смоленская – торгует с Посконией, знает все дороги. Сыновья – сотники в армии Радзивилла.

Список рос. Каждое имя – судьба, каждая судьба – боль, и каждая боль – ниточка, которая вела к Дмитрию.

Первой пришла княгиня Анна Волынская. Высокая, худая, с глазами, в которых застыла такая тоска, что Дмитрию стало не по себе. Она молчала всю дорогу по подземному ходу, молчала, когда Лиза вела её мимо спящих стражников, молчала, пока не осталась с ним наедине.

– Говорят, ты вернёшь нам земли, – сказала она, и голос её звучал глухо, как из могилы. – Это правда?

– Правда, – ответил Дмитрий. – Если ты поможешь мне.

– Чем я могу помочь? – она усмехнулась горько. – Я – вдова. У меня нет мужа, нет сыновей. Только брат, который воюет на границе, да старый замок, который мыши хотят отобрать.

– Твой брат – воевода, – сказал Дмитрий. – Его люди – пятьсот лучников. Они нужны мне. Она посмотрела на него долгим взглядом, потом спросила:

– А что получу я?

– Ты получишь обратно свои земли, – ответил он. – И имя, которое носили твои предки. И ещё... – он помолчал, – если захочешь, ты получишь мужа. Не для постели – для защиты. Для того, чтобы никто никогда больше не посмел отнять у тебя то, что принадлежит тебе по праву.

Она шагнула к нему, коснулась его лица холодными пальцами.

– Ты? – спросила она.

– Я, – ответил он.

Она не сказала больше ни слова. Только разделась сама, без кокетства, без игры, и легла на плащ, расстеленный на каменном полу. И когда Дмитрий вошёл в неё, она не стонала, не шептала нежных слов. Только дышала тяжело, часто, и в этом дыхании было всё: и боль потери, и надежда, и страх, и вера.

Утром она ушла так же молча, как пришла. Но Агата, встречавшая её у выхода, заметила: глаза княгини были сухими, а в походке появилась твёрдость, которой не было прежде.

Вторая пришла через три дня. Боярыня Мария Черниговская была моложе, лет двадцати, с живыми глазами и быстрой речью. Она не молчала, как Анна, а говорила, говорила без остановки – об отце, которого убили мыши, о брате, который боится поднять голову, о землях, которые отдадут католикам.

– Ты нужен нам, – сказала она, глядя Дмитрию прямо в глаза. – Не как мужчина. Как знамя. Если мы пойдём за тобой, за нами пойдут наши отцы, братья, сыновья. А без нас ты – никто. Просто пленник, который тешит себя надеждой.

Дмитрий усмехнулся. Эта ему нравилась. Живая, дерзкая, не сломленная.

– А если я не оправдаю надежд? – спросил он.

– Тогда я сама отрежу тебе голову, – ответила она с улыбкой. – Но сначала дай мне то, зачем я пришла.

Она сама потянулась к нему, сама раздела его, сама легла на его плащ. И в эту ночь не было ни боли, ни страха – только жар, только страсть, только обещание, которое она взяла с него кровью и семенем.

К концу января таких ночей было уже больше десятка. Каждая женщина приходила со своей болью, со своей надеждой, со своей ценой. Княгини, вдовы, купчихи, дочери воевод. Дмитрий слушал, запоминал, обещал. И каждую ночь скреплял обещание так, как требовал обычай.

Агата вела счёт. В её записной книжке было уже тридцать имён. Тридцать женщин, чьи братья, отцы, сыновья командовали отрядами. Тридцать нитей в паутине, которая опутывала замок, город, всю Болотную страну.

– Ещё семьдесят, – сказала она Лизе, когда та пришла за новой порцией записок. – Нам нужно сто. Сто женщин, сто родов. И тогда мы сможем говорить с Радзивиллом не как просители, а как равные.

– А он? – Лиза кивнула в сторону покоев Дмитрия. – Он выдержит?

Агата усмехнулась.

– Он – солдаткин, – сказала она. – Он выдержит всё. Иди. Тебя ждут.

А в замке, в роскошных покоях, где мышиные советники пили вино и строили планы, никто не замечал ничего. Для них Дмитрий был просто пленником, который тешит себя женщинами. Пусть тешится. Так он будет сговорчивее. Так они легче сделают его своей марионеткой.

Они не знали, что каждая ночь приближала час, когда марионетка перережет нити и сама станет кукловодом.

Глава 12. Зимний бал

Февраль 7096 года, замок Вильно, Большая зала

Замок гудел. Сотни свечей горели в тяжёлых паникадилах, отражаясь в зеркалах, в золоте кафтанов, в драгоценных камнях на пальцах знатных гостей. Мышиные советники в расшитых кунтушах, рейховские офицеры в строгих чёрных мундирах, болотные магнаты, приехавшие засвидетельствовать почтение победителям, – всё смешалось в пёстрой, шумной толпе. Вино лилось рекой, музыка гремела, и даже обычно хмурые стражники улыбались, пригубливая заморские вина.

Дмитрия вывели в залу под конец вечера, когда все уже достаточно выпили, чтобы не обращать внимания на лишние детали, но ещё не настолько, чтобы потерять способность наблюдать. На нём был простой, но дорогой кафтан – подарок Радзивилла, который должен был подчеркнуть «почётный» статус пленника. Ни оружия, ни знаков отличия. Только лицо – спокойное, почти скучающее, как у человека, который уже смирился со своей участью.

– Идите, идите, зятьёк, – Радзивилл, раскрасневшийся от вина, подтолкнул его в спину. – Покажитесь гостям. Пусть видят, какой у меня будет царь!

Дмитрий шагнул в залу, и на мгновение разговоры стихли. Все взгляды обратились на него – мышиные советники с любопытством, рейховцы с надменным равнодушием, болотные магнаты с плохо скрываемым интересом. Но Дмитрий смотрел не на них. Он смотрел на женщин.

Они стояли у стен, в тени колонн, среди свиты. Княгини, вдовы, жёны воевод. Те, кто уже приходил к нему в подземелье. Те, кто ещё только ждал своей очереди. Их взгляды были разными – кто-то смотрел с надеждой, кто-то с любопытством, кто-то с вызовом. Но все они смотрели. И Дмитрий знал: каждая из них – это нить в паутине.

– Смотрите, как он хорош, – усмехнулся мышиный советник, обращаясь к соседу. – Настоящий царевич. Жаль только, что в клетке.

– В клетке? – переспросил другой. – Да он сам рад, что его взяли. Где ему было тягаться с нами?

Они засмеялись, не заметив, как рядом с ними, в тени колонны, замерла княгиня Анна Волынская. Её лицо было бесстрастным, но пальцы, сжимавшие веер, побелели от напряжения.

Дмитрий прошёл в центр залы, остановился, давая себя рассмотреть. Ни тени страха, ни тени смущения. Стоял прямо, смотрел спокойно, и в этой спокойной уверенности было что-то, от чего даже самые надменные рейховцы на мгновение отвели взгляды.

– Подойди, – раздался голос сбоку.

Дмитрий обернулся. К нему приближалась женщина – высокая, статная, в тёмно-вишнёвом платье, расшитом серебром. Он узнал её сразу. Княгиня Ганна. Та самая, что приходила к нему первой. Она шла через залу, не скрываясь, не таясь, и гости расступались перед ней, кланяясь, заискивая.

Она остановилась напротив, оглядела его с ног до головы. Взгляд её был холодным, оценивающим, но Дмитрий видел: за этим холодом – огонь.

– Говорят, вы любите женщин, царевич, – сказала она громко, так, чтобы слышали все. – Это правда?

– Правда, – ответил он, глядя ей в глаза. – Но я люблю не всех. Только тех, кто достоин.

Она усмехнулась, и в этой усмешке было что-то такое, от чего мышиные советники, стоявшие рядом, переглянулись и зашептались. Они не понимали. Для них это было просто кокетство, игра, забава. Они не видели того, что видел Дмитрий: как её пальцы коснулись его рукава, оставляя едва заметный знак. Как она чуть заметно кивнула в сторону колонны, где замерла княгиня Анна. Как её губы беззвучно прошептали: «Скоро».

– А меня вы сочли бы достойной? – спросила она, и в голосе её зазвучала та же сталь, что и в подземелье.

– Сочёл бы, – ответил он. – И сочту. Когда придёт время.

Она рассмеялась – громко, звонко, так, что эхо разнеслось под сводами. И в этом смехе было столько вызова, что даже Радзивилл, сидевший во главе стола, поднял голову и нахмурился.

– Что там, сестра? – крикнул он.

– Ничего, брат, – ответила Софья, появляясь из-за его спины. – Просто княгиня Ганна знакомится с нашим гостем. Пусть развлекаются. Это же царевич, в конце концов.

Радзивилл усмехнулся, отмахнулся. Для него это было просто баловство. Женщины, царевич, танцы – всё смешалось в пьяном угаре.

Он не видел, как княгиня Ганна, отойдя от Дмитрия, скользнула к группе воевод, стоявших у окна. Не видел, как она что-то шепнула старому, седому воину, и тот чуть заметно кивнул. Не видел, как боярыня Мария Черниговская, стоявшая у противоположной стены, обменялась взглядами с молодым сотником в новом кафтане. Не видел, как по зале, среди танцующих и пьющих, пробежала едва заметная волна – люди переглядывались, кивали, опускали глаза.

Они видели. Те, кто должен был видеть. Воеводы, чьи сёстры и дочери уже побывали в подземелье. Сотники, чьи жены вернулись оттуда с новыми надеждами. Солдаты, чьи матери шептали им на ухо имя царевича, который вернёт им землю и веру.

Дмитрий стоял в центре залы, окружённый врагами, и чувствовал, как вокруг него, невидимая для чужих глаз, смыкается сеть. Сеть, которую он плел всю зиму. Сеть, которая должна была выдержать вес целой армии.

– Ещё вина, царевич? – подскочил к нему услужливый слуга.

Дмитрий взял кубок, поднял его, словно приветствуя кого-то в толпе. И многие – те, кто знал, те, кто ждал, те, кто надеялся – ответили ему тем же.

Они пили за победу. Каждый за свою.

Глава 13. Сто ночей

Февраль – Март 7096 года, замок Вильно и окрестности

Счёт шёл на десятки. Агата вела его в записной книжке, которую прятала под половицей. Каждое имя – история. Каждая история – боль. И каждая боль – нить, которая вела к Дмитрию.

Княгиня Анна Вольнская – первая. Привела брата-воеводу и пятьсот лучников.

Боярыня Мария Черниговская – вторая. Её род владеет тремя крепостями на границе.

Купчиха Елена Смоленская – третья. Сыновья служат сотниками у Радзивилла.

Десяток. Два десятка. Три.

Каждая женщина приходила в подземелье ночью. Кто-то – с воинами за спиной, кто-то – с золотом, кто-то – с ключами от крепостей, которые завоеватели считали неприступными. Каждая отдавала Дмитрию не только тело – судьбу своего рода. И каждая уходила с клятвой, скреплённой кровью и семенем.

Четвёртый десяток открыла вдова из-под Гродно. Её звали Таисия, и она была старше других, лет под пятьдесят, с лицом, изрезанным морщинами, и руками, привыкшими к топору. Она пришла не за мужем – за правдой.

– У меня три сына, – сказала она, стоя перед Дмитрием в подземелье. – Все трое воюют в армии Радзивилла. Они хорошие воины, царевич. И они пойдут за тобой, если я скажу.

– Что ты хочешь взамен? – спросил он.

– Хочу, чтобы мои внуки носили моё имя, – ответила она. – Чтобы земля, которую мой род обрабатывал сто лет, осталась моим детям. Чтобы никто не мог отнять её потому, что я – баба.

Они не ложились в ту ночь. Дмитрий просто сидел рядом, держал её за руку и слушал. А на рассвете, когда она уходила, поцеловал в лоб, как мать.

– Ты достойна большего, чем постель, – сказал он. – Ты достойна памяти. Я сделаю так, что твоё имя будут знать.

Она усмехнулась, покачала головой и исчезла в темноте. Но Агата, ждавшая у выхода, заметила: глаза женщины были сухими, а в походке появилась та твёрдость, которая бывает у людей, нашедших смысл.

Пятый десяток пришёл в конце февраля. К тому времени слухи о царевиче-защитнике разнеслись уже далеко за пределы Вильно. Женщины ехали из дальних поместий, рискуя быть замеченными, рискуя потерять всё, что у них ещё оставалось.

Они приходили в подземелье и уходили оттуда другими. Не потому, что Дмитрий был искусным любовником – хотя и это имело значение. А потому, что он давал им то, чего они были лишены: надежду.

– Ты вернёшь мне моё имя? – спрашивала одна. – Ты защитишь моих детей? – спрашивала другая. – Ты сделаешь так, чтобы моя дочь могла править землями, которые я ей оставляю? – спрашивала третья.

И он отвечал: «Да». И скреплял обещание так, как требовал обычай. И каждая уходила, унося с собой частицу его силы, его воли, его веры.

Завоеватели видели только одно: женщины приходят и уходят. Для них это была похоть, разврат, признак слабости. Они посмеивались, пожимали плечами, приписывали успехи Дмитрия своей щедрости.

– Пусть тешится, – говорил Радзивилл, поднимая кубок. – Чем больше баб, тем стоворчивее. К весне он будет нашим.

Мышиные советники кивали. Рейховцы усмехались. Они не знали, что в подземелье, пока они пируют наверху, куётся их гибель.

Шестой десяток. Седьмой. Восьмой.

К середине марта Агата перестала помещаться в своей каморке. Записная книжка была исписана до последней страницы, и новые имена пришлось вписывать на полях.

– Сколько их? – спросила Лиза, когда они встретились в прачечной.

– Восемьдесят семь, – ответила Агата. – Скоро будет сто.

– А он? – Лиза кивнула в сторону покоев Дмитрия. – Он не сломается?

Агата усмехнулась. Она видела его на днях, когда передавала очередную записку. Он сидел у окна, смотрел на закат и улыбался. Не той дежурной улыбкой, которой встречал женщин, а настоящей, спокойной, уверенной.

– Не сломается, – сказала она. – Он только начал.

Последняя, сотая, пришла в конце марта. Её звали Милолика, и она была старостихой из южных волостей. Она привела с собой не воинов, не золото, не ключи от крепостей. Она привела веру.

– Мой народ ждёт, царевич, – сказала она, глядя ему в глаза. – Ждёт, когда ты придёшь и вернёшь нам землю. Ждёт, когда ты скажешь: «Вставайте, братья и сёстры, наше время пришло». Ты скажешь это?

– Скажу, – ответил Дмитрий.

– Тогда прими от меня дар, – она сняла с шеи древний, почерневший от времени крест. – Это носили мои матери. Они верили, что он спасёт нас. Теперь он твой. Носи и помни: за тобой – не просто женщины, за тобой – вера. Не предай её.

Дмитрий принял крест, надел поверх своего.

– Не предам, – сказал он.

Ночью он лежал в темноте, перебирая в памяти лица. Сотня женщин. Сотня судеб. Сотня родов, готовых идти за ним. Паутина, которую он плел всю зиму, наконец сомкнулась. Осталось сделать последний шаг.

На рассвете он написал письмо Радзивиллу. Всего несколько слов: «Князь, нам нужно поговорить. Приходи один. Придёт время».

Магнат, получив записку, только усмехнулся. «Пленник зовёт хозяина на переговоры», – подумал он. Но всё же пришёл.

Он не знал, что в этот момент в подземелье, под его собственным замком, собрались сто женщин, готовых отдать свои жизни за царевича, который обещал им вернуть право быть собой. И что эта встреча изменит всё.

Глава 14. Марина

Февраль 7096 года, замок Вильно, покои дочери магната

Комната Марины была лучшей в замке. Высокие окна выходили на заснеженный парк, стены обтянуты итальянским шёлком, на полу – персидские ковры. В золочёной клетке на окне томилась канарейка, и её пение казалось Марине самым тоскливым звуком на свете.

Она сидела у окна, перебирая чётки, и смотрела, как внизу, на замковом дворе, гвардейцы гоняют лошадей. Ей было семнадцать, и она уже год как вдова. Муж, старый князь, за которого её выдали по расчёту, умер в первую брачную ночь – сердце не выдержало. С тех пор она жила здесь, в отцовском замке, никому не нужная, никому не интересная, кроме как разменная монета в политических играх.

– Княжна, – служанка вошла бесшумно, как тень. – К вам служанка от мышиного советника. Спрашивает, не нужно ли чего.

Марина хотела отказать, но любопытство пересилило. Она редко видела новых лиц.

– Пусть войдёт.

Лиза переступила порог, держа в руках корзину с вышивкой. На ней было простое шерстяное платье, какие носили служанки, но держалась она с таким достоинством, что Марина невольно выпрямилась.

– Что у тебя? – спросила княжна.

– Вышивка, ваша милость, – Лиза опустила корзину на столик. – Госпожа велела показать. Может, что присмотрите для себя.

Она развернула холстину, и Марина увидела узор – диковинных птиц, золотых рыб, цветы, каких не бывает в здешних краях. Работа была тонкой, искусной, и княжна залюбовалась.

– Кто это вышивал? – спросила она.

– Сама, – улыбнулась Лиза. – В деревне выучилась.

– В деревне? – Марина подняла глаза. – Ты не похожа на деревенскую.

Лиза не ответила, только опустила глаза. И в этом молчании было что-то такое, что княжна вдруг почувствовала: эта служанка знает больше, чем говорит.

– Оставь вышивку, – сказала она. – Я посмотрю.

Лиза поклонилась и вышла. А Марина осталась сидеть, глядя на диковинных птиц, и чувствуя, как в груди разливается странное, давно забытое волнение.

Они встретились снова через три дня. Лиза принесла новые узоры, и Марина, притворяясь, что выбирает подарок для отца, задержала её надолго. Они говорили о пустяках – о погоде, о вышивке, о канарейке, которая всё пела и пела в своей клетке. А на прощание Лиза, словно невзначай, обронила:

– Говорят, у нас в замке царевич живёт. Из Посконии.

Марина насторожилась.

– И что о нём говорят?

– Разное, – Лиза опустила глаза. – Кто говорит, что он пленник. Кто – что он будущий царь. А кто – что он настоящий мужчина. Не то что эти... – она кивнула в сторону двери, за которой слышались голоса мышиных советников.

– Ты его видела? – спросила Марина, и голос её дрогнул.

– Видела, – Лиза улыбнулась. – Он красивый. И умный. И говорят, он умеет слушать женщин. По-настоящему.

Она ушла, оставив Марину в смятении. А ночью княжна долго не могла уснуть, ворочаясь на мягких подушках и чувствуя, как в груди разгорается странный, запретный огонь.

Через неделю Лиза принесла письмо. Маленький, сложенный вчетверо листок, без подписи.

«Княжна, – прочитала Марина дрожащими руками. – Простите, что пишу вам. Я слышал о вас много хорошего. Говорят, вы умны, образованы и одиноки. Я тоже одинок. Может быть, мы могли бы стать друзьями? Не бойтесь. Я не причиню вам зла. Если вы согласны, пришлите знак с Лизой. Дмитрий».

Она перечитала письмо три раза, потом спрятала под подушку и долго сидела, глядя в темноту.

– Что мне делать? – прошептала она, обращаясь к канарейке. Та не ответила, только взъерошила перья и спрятала голову под крыло.

Утром она передала Лизе вышитый платок. Белый, с одной-единственной алой нитью, продёрнутой по краю. Знак. Согласие.

Переписка длилась месяц. Письма приходили каждую неделю, и Марина ждала их, как воздуха. Дмитрий писал о своём детстве в деревне, о матери, о звёздах над полем, о том, как пахнет сено в августе. Он не писал о политике, не просил помощи, не заигрывал. Он просто рассказывал о себе, и в этих рассказах Марина узнавала человека, которого никогда не встречала.

Она отвечала. О своём одиночестве, о книгах, которые читала, о страхе перед будущим. Она писала, что боится выйти замуж снова, что боится стать разменной монетой в руках отца, что боится прожить жизнь в золотой клетке, как её канарейка.

А потом пришло письмо, которое изменило всё.

«Княжна, – писал Дмитрий. – Я хочу встретиться с вами. Не как пленник с дочерью хозяина. Как мужчина с женщиной. Я хочу посмотреть вам в глаза и сказать то, что нельзя написать. Если вы согласны, передайте Лизе, когда. Я приду».

Марина сидела у окна, сжимая письмо в руке, и смотрела на закат. Канарейка в клетке затихла, будто тоже ждала ответа.

– Скажи ему, – прошептала она Лизе, когда та пришла за ответом. – Пусть приходит. Завтра. Ночью.

И впервые за долгие месяцы она улыбнулась. По-настоящему.

Глава 15. Сто отрядов

Март 7096 года, Вильно, каморка Агаты

Агата пересчитывала список в десятый раз. Сто имён. Сто судеб. Сто родов, готовых подняться по первому зову. Она знала каждое имя наизусть, но всё равно пересчитывала, боясь ошибиться. Слишком многое зависело от этих цифр.

– Сто, – сказала она вслух, откладывая книжку. – Ровно сто.

Лиза, сидевшая напротив, выдохнула. Напряжение последних месяцев отпускало, но не до конца. Ещё рано. Ещё слишком рано.

– Сколько воинов? – спросила она.

Агата развернула другой список – длинный, исписанный мелким почерком.

– Считай сама. Княгиня Ганна – три тысячи. Её брат-воевода держит южные рубежи. Софья Радзивилл – тысячу пятьсот. Люди её покойного мужа, верные только ей. Княгиня Анна Волынская – пятьсот лучников. Боярыня Мария Черниговская – три крепости на границе,

восемьсот воинов. Купчиха Елена Смоленская – сыновья-сотники, тысяча двести. Вдова Таисия – три сына, четыре сотни. Старостиха Милолика – крестьянское ополчение, две тысячи.

Она перечисляла, загибая пальцы, и в тесной каморке, пропахшей травами и сыростью, вырастала армия. Тысячи. Десятки тысяч.

– Пятнадцать, – подвела итог Агата. – Пятнадцать тысяч воинов, вплетённых в армию Радзивилла. Его собственные полки не знают, что половина их командиров – наши люди. Мышинные наёмники думают, что охраняют замок, а сами спят на пороховой бочке. А Радзивилл... – она усмехнулась, – Радзивилл считает, что его зять развлекается с бабами.

Лиза молчала, глядя на исписанные листы. Сто имён. Сто женщин, которые пришли в подземелье и ушли оттуда другими. Сто родов, чья кровь теперь была связана с кровью Дмитрия. Пятнадцать тысяч воинов, готовых выступить по первому слову.

– Он знает? – спросила она. – Дмитрий?

– Он знает всё, – ответила Агата. – Каждое имя, каждую цифру, каждого воеводу, который ждёт его сигнала. Он готов.

Она подошла к окну, глядя на заснеженный двор, где гвардейцы Радзивилла гоняли лошадей, не подозревая, что творится у них под носом.

– А Радзивилл? – спросила Лиза. – Он скоро поймёт?

– Не скоро, – усмехнулась Агата. – Он слишком уверен в себе. Слишком привык считать, что бабы – это слабость. Он не видит, что за каждой из этих «баб» – род, воины, крепости. Не видит, что его собственная сестра уже на нашей стороне. Не видит, что армия, которой он так гордится, через месяц станет нашей.

Она обернулась, и в глазах её горел тот же огонь, что и у Ганны, и у Софьи, и у всех, кто приходил в подземелье.

– Он думает, что держит царевича в клетке. А царевич за зиму стал хозяином его страны. Каждая ночь, проведённая с новой женщиной, приносила ему новый отряд. Каждая клятва, скреплённая кровью и семенем, добавляла ещё одну нить в паутину. И теперь, когда сеть сплетена, осталось только дёрнуть за нить.

В тот же вечер Дмитрий принимал последнюю из ста. Её звали Милослава, и она была дочерью старого воеводы, который командовал крепостью на западной границе. Она пришла не одна – с ней были два брата, молодые, горячие, готовые биться за царевича.

– Мы знаем, что вы задумали, – сказал старший, глядя Дмитрию в глаза. – Наши сёстры рассказали. Мы готовы. Только скажите когда.

– Скоро, – ответил Дмитрий. – Весной, когда просохнут дороги. А пока... – он посмотрел на Милославу, стоявшую в тени, – пока пусть ваша сестра останется. Нам нужно поговорить.

Братья поклонились и вышли. Милослава шагнула в свет, и Дмитрий увидел её лицо – юное, испуганное, но решительное.

– Не бойся, – сказал он. – Я не сделаю тебе больно.

– Я не боюсь, – ответила она. – Я знаю, зачем пришла. Моя мать говорила: если отдаёшь себя мужчине, отдавай так, чтобы он запомнил.

Она подошла сама, сама раздела его, сама легла на плащ. И когда он вошёл в неё, не зажмурилась, не отвернулась – смотрела прямо, открыто, и в этом взгляде было столько силы, что Дмитрий почувствовал: эта запомнит. И её род запомнит.

Утром, когда она ушла, он остался один. Сто ночей. Сто женщин. Пятнадцать тысяч воинов, вплетённых в армию Радзивилла. Паутина, которую он плёл всю зиму, наконец сомкнулась.

Он подошёл к окну, глядя на восток, где за лесами и болотами лежала его страна. Весна была близко. Дороги скоро просохнут. И тогда он выйдет из этой клетки не пленником – хозяином.

– Скоро, – прошептал он. – Скоро.

Глава 16. Колебания магната

Март 7096 года, замок Вильно, покои Радзивилла

Князь Юрий Радзивилл сидел в своём кабинете, глядя на догорающие угли в камине. Перед ним на столе лежали донесения, карты, списки полков, но он не смотрел на них. Мысли его были далеко.

Зима подходила к концу. Скоро просохнут дороги, и можно будет выступать. Армия собрана, провиант заготовлен, мышинные союзники ждут только его сигнала. Царьград, Шуйский, вся Поскония – всё должно было стать его. Он чувствовал это, нюхом старого политика чуял близкую победу.

И всё же что-то было не так.

В дверь постучали. Вошла Софья, сестра, та самая, что вечно смотрела на него с лёгкой насмешкой, которую он так ненавидел и так ценил.

– Не спишь, брат? – спросила она, садясь в кресло напротив. – Думаешь?

– Думаю, – ответил он, не оборачиваясь. – О зяте.

– О Дмитрие?

– О нём. – Радзивилл повернулся, и лицо его было хмурым. – Я смотрю на него уже полгода, сестра. И не могу понять. Он покорен, он согласен на всё, он даже не пытается бежать. Но в глазах его... в глазах его что-то есть. Что-то, чего я не понимаю.

Софья усмехнулась, поправила складки платья.

– Может быть, он просто умен, брат? Может быть, он понимает, что бежать некуда, и решил играть по-нашему?

– Или, может быть, он играет в свою игру? – Радзивилл подался вперёд. – Ты знаешь, что говорят? К нему ходят женщины. Местные. Каждую ночь. Служанки, прачки, торговки... и не только.

– И что? – Софья подняла бровь. – Мужчина есть мужчина. Ты сам ему разрешил.

– Разрешил, – кивнул Радзивилл. – Но я не разрешал ему встречаться с княгиней Ганной. А она, говорят, была. И не одна она.

Софья молчала, глядя на брата. В глазах её мелькнуло что-то, чего он не заметил – торжество, смешанное с презрением.

– Брат, – сказала она после паузы, – ты слишком много думаешь. Дмитрий – пленник. Твоя дочь станет его женой. Твои внуки будут править Посконией. А эти женщины... что они могут? Пожаловаться на жизнь? Поплакать в жилетку? Пусть развлекается. Так он будет сговорчивее.

– Ты так думаешь?

– Я знаю, – ответила Софья, и голос её был твёрд. – Я сама говорила с ним. Он не глуп, но он один. Без нас он никто. И он это понимает.

Радзивилл долго смотрел на неё, потом кивнул.

– Ладно, – сказал он. – Пусть будет по-твоему. Но я хочу ускорить свадьбу. Чем скорее Марина станет его женой, тем скорее я буду уверен.

Марина узнала об этом вечером того же дня. Она сидела у окна, перебирая чётки, когда в дверь вошёл отец. Лицо его было довольным, даже весёлым.

– Дочь, – сказал он, подходя и целуя её в лоб. – У меня для тебя хорошие новости. Ты выходишь замуж.

Марина замерла. Сердце её забило где-то в горле, но она заставила себя улыбнуться.

– За кого, отец?

– За царевича, конечно, – Радзивилл рассмеялся. – За кого же ещё? Ты станешь царицей, дочка. Царицей Посконии. Разве не об этом ты мечтала?

– Мечтала, – ответила Марина, и голос её дрогнул. – А он... он согласен?

– А ему и не надо соглашаться, – усмехнулся отец. – Он мой пленник. Он сделает всё, что я скажу. Но, – он хитро прищурился, – говорят, он уже писал тебе письма. И ты отвечала. Так что, думаю, ты ему нравишься.

Марина опустила глаза, скрывая румянец.

– Он писал, – призналась она. – Он... он не такой, как другие.

– Конечно, не такой, – отец потрепал её по щеке. – Он царевич. А ты будешь царицей. И ваши дети будут править великой державой. Разве это не счастье?

Он ушёл, оставив её одну. Марина стояла у окна, глядя на заснеженный двор, и чувствовала, как в груди разливается странное, щемящее тепло. Она выходила замуж. За того, кто писал ей письма, кто рассказывал о звёздах над полем, кто называл её «княжной» и говорил, что она достойна большего, чем золотая клетка.

– Он придёт? – спросила она у Лизы, когда та принесла очередное письмо.

– Придёт, – ответила Лиза, и в голосе её было столько уверенности, что Марина поверила. – Он придёт, когда настанет время. А пока... читайте. Он пишет, что скучает.

Ночью Дмитрий получил записку от Лизы. Всего несколько слов: «Радзивилл согласен. Свадьба через неделю. Марина ждёт».

Он усмехнулся, пряча бумагу в рукав. Всё шло по плану. Магнат, уверенный в своей власти, сам отдаёт ему дочь. А вместе с дочерью – легитимность, доступ к армии, ключ к сердцу Болотной страны.

– Передай Лизе, – сказал он Агате, пришедшей за ответом, – пусть готовит Марину. Скоро я приду к ней не как пленник, а как жених. И тогда... тогда начнётся настоящая игра.

Глава 17. Тайное венчание

Март 7096 года, замок Вильно, подземная часовня

Часовня была вырублена в скале ещё при первых литовских князьях. Здесь молились перед битвами, здесь венчались, здесь хоронили тех, кто не доживал до рассвета. Теперь, спустя века, в её стенах должно было свершиться таинство, о котором не узнает никто в замке – кроме тех, кому положено знать.

Мать Евпраксия пришла затемно. В руках её был узелок с ризой, маленький крест и древняя книга, которую она берегла пуще глаза. Служанка, одна из тех, кто входил в сеть Агаты, провела её через кухню, через прачечную, через узкий лаз, о котором забыли даже мышиные советники. Старая игуменья шла быстро, не оглядываясь, и только губы её шевелились в беззвучной молитве.

В часовне уже горели свечи. Их было немного, десятка два, расставленных на каменном алтаре и вдоль стен. Свет их был слабым, но достаточным, чтобы осветить лики святых на древних, почерневших от времени иконах. Пахло ладаном, воском и той особенной, намоленной тишиной, которая бывает только в самых старых храмах.

Марина пришла первой. На ней было простое белое платье, сшитое Лизой из тонкого полотна, волосы распущены по плечам, как требовал обычай. Ни украшений, ни княжеских регалий – только тонкое серебряное кольцо на пальце, снятое с руки матери. Она стояла перед алтарём, бледная, с замирающим сердцем, и ждала.

– Не бойся, – шепнула Лиза, стоявшая в тени колонны. – Он придёт.

Марина кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Она ждала этого дня всю зиму. С тех пор как получила первое письмо, с тех пор как прочитала о звёздах над полем, о сене, пахнущем августом, о матери, которая ждала его в далёкой деревне. Она полюбила его, не видя лица, не слыша голоса. Полюбила за то, что он писал ей как женщине, а не как разменной монете. Полюбила за то, что в его письмах не было ни слова о политике – только тоска по дому и надежда на встречу.

Шаги слышались издалека. Марина замерла, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Он вошёл. Высокий, широкоплечий, в простой белой рубаше, без украшений, без оружия. Лицо его было спокойно, но в глазах, серых, с тёмными крапинками, горел тот самый огонь, который она чувствовала в каждом его письме. Он остановился напротив, посмотрел на неё, и в этом взгляде было столько, что Марина забыла, как дышать.

– Княжна, – сказал он тихо. – Я пришёл.

– Я ждала, – ответила она, и голос её не дрогнул.

Мать Евпраксия выступила из тени. На ней была ветхая риза, в руках – древнее Евангелие. Она посмотрела на них долгим, пронзительным взглядом, потом кивнула.

– Дети мои, – сказала она, и голос её звучал глухо, но твёрдо. – Вы знаете, что делаете. Союз этот – не для постели. Он для крови, для земли, для будущего. Если кто из вас передумал – говори сейчас. Потом будет поздно.

Марина шагнула вперёд, взяла Дмитрия за руку. Пальцы его были тёплыми, сильными, и в этом пожатии было больше уверенности, чем в любых словах.

– Я не передумала, – сказала она. – Я хочу быть его женой.

Дмитрий сжал её руку в ответ.

– А я – её мужем.

Мать Евпраксия начала молитву. Слова были древние, на непонятном уже языке, но Марина чувствовала: они правильные. Они падали в тишину, как камни в воду, расходясь кругами по часовне, по замку, по всей этой чужой земле, которая скоро должна была стать своей.

– Венчается раб Божий Димитрий и раба Божия Марина, – произнесла старица, возлагая на их головы венки из сухих трав. – Отныне и навеки. Что Бог сочетал, того человек да не разлучает.

Марина подняла глаза на Дмитрия. Он смотрел на неё, и в его взгляде она видела не политику, не расчёт, не выгоду. Только тепло. Только обещание. Только ту самую надежду, которую она искала всю жизнь.

Он протянул ей чашу с вином. Она отпила, передала ему. Он допил до дна.

– Теперь ты моя жена, – сказал он.

– А ты – мой муж, – ответила она.

Она ждала, что будет дальше – страх, боль, унижение, о которых шептались служанки. Но он только обнял её, прижал к себе, и в этом объятии не было ничего, кроме нежности.

– Я не сделаю тебе больно, – сказал он тихо. – Ты не вещь, не разменная монета. Ты – моя жена. И я буду беречь тебя.

Она заплакала – от облегчения, от счастья, от того, что всё это было не сном. Он вытирал её слёзы, целовал мокрые глаза, и она улыбалась сквозь слёзы, чувствуя, как в груди разливается тепло.

Потом была ночь. И в эту ночь не было ни страха, ни боли – только открытие. Она отдавалась ему, как отдаются любимому, без страха, без стыда, и чувствовала, как её тело отвечает на каждое его прикосновение. Он был нежен, терпелив, и когда наконец вошёл в неё, она не вскрикнула – только выдохнула, прижимаясь к нему всем телом.

– Я люблю тебя, – прошептала она потом, когда они лежали обессиленные. – Я люблю тебя с тех пор, как прочитала твоё первое письмо.

– Я тоже, – ответил он, целуя её в волосы. – Я тоже.

Она не знала, правда ли это. Но верила. И этой веры было достаточно, чтобы ждать, надеяться и идти за ним куда угодно – даже в самое пекло войны.

Утром, когда за окнами засерело, они лежали обнявшись, и Марина чувствовала, как его сердце бьётся в унисон с её.

– Что теперь? – спросила она.

– Теперь, – ответил он, – мы будем ждать. Весна близко. Дороги скоро просохнут. И тогда я выйду из этой клетки не пленником – хозяином.

Она прижалась к нему крепче.

– Я пойду с тобой.

– Знаю, – он поцеловал её в лоб. – Потому что ты – моя жена.

Они лежали в тишине, слушая, как за окнами просыпается замок. Где-то наверху мышинные советники уже начинали свой день, не подозревая, что в подземелье, под их ногами, только что был заключён союз, который изменит судьбу целой страны. А Марина, дочь магната, бывшая пленница в золотой клетке, чувствовала, как её крылья расправляются. И как клетка открывается.

Глава 18. Итог зимы

Март 7096 года, Вильно, замок Радзивилла

Зима уходила. Снег осел, почернел, по краям дорог показалась первая трава. В замке готовились к весеннему походу: чистили оружие, пересчитывали припасы, ковали лошадей. Мышинные советники сновали по коридорам с бумагами, рейховские офицеры проводили смотры, Радзивилл засиживался над картами допоздна. Армия готовилась выступить на Царьград.

Никто не замечал, что за их спинами уже давно кипит другая жизнь.

Дмитрий стоял у окна своих покоев и смотрел на закат. В руках он держал список, переданный Агатой. Сто имён. Сто женщин. Пятнадцать тысяч воинов, вплетённых в армию Радзивилла. Воеводы, сотники, командиры гарнизонов – все они были связаны с ним кровью, клятвой, надеждой. И никто из мышинных советников даже не подозревал об этом.

– Сто, – прошептал он, складывая бумагу. – Ровно сто.

Дверь скрипнула. Вошла Лиза, бледная, уставшая, но счастливая. За ней – Агата, Софья и Ганна. Все четверо. Главные.

– Не спишь? – спросила Лиза, подходя ближе.

– Не сплю, – ответил он. – Думаю.

– О чём?

– О том, как изменилась жизнь за эту зиму. – Он обернулся, и на лице его появилась улыбка – спокойная, уверенная. – Полгода назад я был пленником. Марионеткой, которую можно было выбросить, когда надоест. А теперь...

Он замолчал, глядя на женщин, которые пришли к нему в подземелье, поверили, отдали свои судьбы.

– А теперь за мной сто родов, – сказал он. – Пятнадцать тысяч воинов. Три крепости на границе. Ключи от торговых путей. И армия Радзивилла, в которой каждый третий командир – мой человек.

– И муж Марины, – добавила Софья с усмешкой. – Не забывай. Брат теперь твой тесть. Это даёт тебе легитимность, которую не купишь за золото.

– А мы? – спросила Ганна. – Мы для тебя что?

– Вы – моя семья, – ответил он, и в голосе его было столько тепла, что даже Софья, привыкшая к насмешкам, опустила глаза. – Не просто союзницы. Не просто жёны. Вы – те, кто поверил в меня, когда я был никем. Вы – те, кто дал мне эту армию. И я никогда этого не забуду.

В ту же ночь Радзивилл принимал гостей. В Большой зале горели сотни свечей, музыка гремела, вино лилось рекой. Мышинные советники чокались с рейховцами, болотные магнаты заискивали перед победителями. Все были уверены, что весной начнётся последний, решающий поход, и тогда уже никто не сможет остановить их.

Радзивилл сидел во главе стола, довольный, румяный, с бокалом в руке. Рядом с ним – Софья, холодная и надменная, как всегда. Напротив – Дмитрий, спокойный, вежливый, покорный.

– Зять! – Радзивилл поднял бокал. – За тебя! За твою покорность! За то, что ты понял, с кем иметь дело!

– За вас, тесть, – ответил Дмитрий, поднимая свой. – За нашу общую победу.

Они выпили. Мышиные советники захлопали. Рейховцы кивнули, довольные. И никто, никто из них не заметил, как переглянулись женщины, стоявшие у стен. Как чуть заметно кивнула Ганна, встречаясь глазами с воеводами. Как Софья, поправляя складки платья, коснулась пальцами витого серебряного браслета – знака, который означал: «Всё готово».

На рассвете Дмитрий вышел во двор. Снег почти сошёл, и в воздухе пахло весной. Где-то за стенами замка, в деревнях, в лесах, в поместьях, его ждали те, кто поверил. Пятнадцать тысяч воинов, готовых выступить по первому зову. Сто родов, чья кровь теперь была связана с его кровью.

– Скоро, – прошептал он, глядя на восток. – Скоро.

Из тени выступила Агата. В руках её была котомка с припасами и карта, испещрённая пометками.

– Гонец от Шереметева, – сказала она тихо. – Остатки посконской армии ждут на границе. Три тысячи человек. Они знают, что ты идёшь.

– Передай: я буду, – ответил Дмитрий. – Когда просохнут дороги.

– А Радзивилл? – спросила Агата. – Он ещё не понял?

– Не понял, – усмехнулся Дмитрий. – Он думает, что я его марионетка. Что мои жёны – просто бабы, с которыми я тешу себя. Что армия, которой он так гордится, пойдёт за ним. Он не знает, что каждый третий его воин – мой человек. Что его сестра давно уже на моей стороне. Что дочь его любит меня не по приказу, а по сердцу.

Он помолчал, глядя на встающее солнце.

– Он думает, что я его пленник, – сказал он. – А я за эту зиму стал хозяином его страны. Каждая ночь, проведённая с новой женщиной, приносила мне новый отряд. Каждая клятва, скреплённая кровью и семенем, добавляла ещё одну нить в паутину. И теперь, когда сеть сплетена, осталось только дёрнуть за нить.

Он повернулся к Агате, и в глазах его горел тот самый огонь, который она видела в нём в первую их встречу – огонь охотника, готового к последнему броску.

– Передай всем, – сказал он. – Через две недели мы выступаем. Не как пленники. Как хозяева. И горе тем, кто встанет на нашем пути.

Агата ушла, растворившись в утреннем тумане. Дмитрий остался один. Он стоял на крыльце, глядя, как первые лучи солнца золотят стены замка, где он провёл эту долгую зиму. Замка, который стал его тюрьмой и его крепостью. Клеткой, в которой он сплёл паутину, способную удержать целую армию.

– Спасибо, – прошептал он, обращаясь к тем, кто был с ним эту зиму. К Ганне, первой, кто поверил. К Софье, кто дал ему ключи от клана. К каждой из ста женщин, чьи имена были в списке. К Лизе, кто ждал и верил, когда другие сомневались. К Марине, кто полюбил его, не видя лица.

Он повернулся и пошёл в замок. Впереди был день. Потом ещё один. А потом – весна. И дорога. Дорога домой.

ЧАСТЬ II. ВЕСЕННИЙ ПОХОД (Апрель – Май 7096)

Глава 19. Выступление

Апрель 7096 года, Вильно, замковый двор

Утро выдалось ясное, тёплое. Снег сошёл в неделю, дороги просохли, и над замком, над городом, над всей Болотной страной вставало солнце новой весны. Армия строилась с первыми петухами. Двадцать пять тысяч человек – пехота, конница, обозы – вытянулись по замковому двору, готовые к долгому походу на восток. Сверкали доспехи, ржали кони, позвякивало оружие. Над колонной реяли стяги – личные знамёна Радзивилла, мышинные хоругви, рейховские штандарты.

Дмитрий стоял у крыльца, наблюдая за сборами. На нём был простой, но дорогой кафтан – подарок Радзивилла, который должен был подчеркнуть «почётный» статус зятя. Ни оружия, ни знаков отличия. Только лицо – спокойное, почти скучающее, как у человека, который уже смирился с тем, что его судьба решена другими.

Рядом, чуть поодаль, ждали Лиза и Марина. Лиза – в простом дорожном платье, с которой за плечами, как и подобало служанке мышинового советника. Марина – в тёмно-синем платье, расшитом серебром, как и подобало дочери магната, которая едет в своё новое царство. Они не смотрели друг на друга, но Дмитрий чувствовал: между ними уже протянулась нить. Та самая, что связывала всех его женщин в единую сеть.

– Зять! – Радзивилл, раскрасневшийся, в парадном кунтуше, подошёл к нему, хлопнул по плечу. – Ну что, готов? Скоро ты увидишь свою столицу. Своё царство. Свой трон.

– Готов, князь, – ответил Дмитрий, и голос его был ровен, покорен. – Всё будет, как вы сказали.

– То-то же, – Радзивилл довольно кивнул. – Помни: ты теперь мой зять. Моя кровь. Моя опора. Мы вместе пойдём на Царьград, вместе возьмём его, вместе будем править.

Он обернулся к Марине, стоявшей в тени крыльца.

– Дочь! Подойди!

Марина шагнула вперёд, и Дмитрий увидел, как она изменилась за эту зиму. В её глазах не было больше той тоски, что он видел в первый раз. В них горел огонь – тот самый, который он зажёл в ней письмами, встречами, ночами. Огонь надежды.

– Отец, – сказала она, подходя и целуя его руку. – Я готова.

– Хорошо, – Радзивилл потрепал её по щеке. – Садись в карету. Дорога будет долгой.

Она кивнула, но прежде чем уйти, встретилась глазами с Дмитрием. В этом взгляде было столько, что он на мгновение забыл о роли, которую играл. Любовь. Надежда. Обещание.

– Поехали, – сказал Радзивилл, вскакивая на коня. – Время не ждёт.

Колонна тронулась. Двадцать пять тысяч человек, тысячи лошадей, сотни телег – всё это потянулось из ворот замка, заполняя дорогу на восток. Впереди, на белом коне, ехал Радзивилл, окружённый мышинными советниками и рейховскими офицерами. За ним – основные силы. В центре колонны, в окружении личной гвардии, – карета Марины. А рядом с каретой, верхом, на простой лошади, ехал Дмитрий.

Он оглянулся. Позади, в обозе, смешавшись со служанками и торговками, двигались они. Его женщины. Те, кто пришёл к нему в подземелье этой зимой. Те, кто поверил, отдал себя, связал свою судьбу с его судьбой. Ганна, переодетая в простую крестьянку, вела под уздцы лошадь с тюками – в них было оружие. Софья, закутанная в плащ, ехала рядом с обозом, и никто не знал, что эта «служанка» – сестра самого Радзивилла. Агата, в торговой телеге, пересчитывала списки, которые везла с собой. И другие. Десятки, сотни. Все они были здесь, в этой колонне, и никто из тех, кто считал себя хозяином, не замечал их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.